

**РИТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ XVIII ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ Н. МОТОНИСА В ЯНВАРСКОМ НОМЕРЕ
ЖУРНАЛА «ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА» [1759])**

«Трудолюбивая пчела» – уникальное для XVIII столетия издание. Автором «Рассуждения...» о добродетелях сочинителя истории явился Николай Николаевич Мотонис, соратник А.П. Сумарокова, блестящий ритор, сотрудник Академии наук. Писатель развивает риторические положения М.В. Ломоносова в поэтологическом аспекте: учит, как надо писать, и в то же время сам дает образец риторического сочинения. Коммуникативная модель Мотониса предполагает активного читателя, а само чтение видится ему сложной деятельностью. Создавая пересечение дискурсов автора и читателя, Мотонис активно использует приемы, выработанные античной риторикой и «реабилитированные» практикой писателей-просветителей XVIII столетия.

Ключевые слова: «Трудолюбивая пчела», Сумароков, Ломоносов, риторика, композиция, аргументация, образ автора, образ читателя.

Традиционно ученые делают вывод о безусловном приоритете Сумарокова как в определении общественно-политического направления журнала «Трудолюбивая пчела», так и в его наполнении материалом. Действительно, Сумароков был единоличным издателем, на нем лежали и персональная ответственность перед Цензурным комитетом, и материальные обременения в связи с помесечным выходом книжек ТП. Более того, в качестве автора он публиковался в каждом номере журнала, а майская книжка целиком состояла только из его произведений.

Однако, по данным китайской исследовательницы Юй Хуэйцзюнь, «по объему статьи Сумарокова за всю историю журнала занимали 47 % от общего количества статей. Из двенадцати номеров только в четырех материалы Сумарокова занимали более 50 %, а в других восьми большая часть статей принадлежит другим авторам» [1, с. 103]. Среди них – А. Аблесимов, И. Борисов, Ф. Геннингер, С. Глебов, И. Дмитриевский, Г. Козицкий, К. Кондратович, В. Крамаренков, А. Лобысевич, Н. Мотонис, А. Нартов, Алексей, Василий и Семен Нарышкины, А. Ржевский, Е. Сумарокова и В. Третьяковский. Безусловно, каждый из авторов внес свою лепту в создание уникального издания. Но все же у его истоков стояли трое: А.П. Сумароков, Г.В. Козицкий и Н.Н. Мотонис – авторы первой (январской) книжки журнала. Остановимся подробнее на третьем участнике редакции.

* © Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В., 2016

Сложеникина Юлия Владимировна (goldword@mail.ru), кафедра психологии и педагогики, Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

Растягаев Андрей Викторович (avt67@yandex.ru), кафедра филологии и массовых коммуникаций, Московский городской педагогический университет (Самарский филиал), 443081, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

Николай Николаевич Мотонис, по происхождению нежинский грек, родился на Украине, обучался в Киево-Могилянской академии вместе с Г.В. Козицким. В 1749 г. Мотонис и Козицкий отправились в Лейпцигский университет. В 1757 г., овладев классическими и европейскими языками, поэтикой и риторикой, они вернулись в Петербург. В 1759 г. Мотонис был избран адъюнктом Академии наук и стал преподавать древние языки в старших классах Академической гимназии [2].

С самого первого номера Мотонис стал автором ТП. У него четыре публикации: одна статья собственного сочинения «Рассуждение о двух главных добродетелях, которых писателю истории иметь необходимо должно, то есть об искренности и несуетном богопочитании» и три перевода.

Историки литературы XVIII в. усматривали в тоне январской статьи Мотониса скрытую полемику с Ломоносовым и Тредиаковским [3, с. 121, 124; 4, с. 29–30]. Риторическая культура, знакомая целевой аудитории издания, становится востребованным инструментом для авторов ТП. Поэтому, помимо поэтологического аспекта, работа Мотониса имеет ярко выраженный риторический характер.

Логические и языковые приемы, использованные автором с общей прагматической целью просвещения российского читателя середины XVIII в. и создания нового культурно-литературного дискурса, развивают «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» (1744, изд. 1895) и «Краткое руководство к красноречию» (1748) М.В. Ломоносова [5]. Как известно, классическая риторика сложилась в систему в Греции в III–II вв. до н. э. и в Риме в I в. до н. э. благодаря трудам Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана. Она «делилась на пять частей: 1) нахождение – систематизация содержания речей и используемых в них доказательств; 2) расположение – деление речи на вступление, изложение, разработку (доказательства своего взгляда и опровержение противного) и заключение; 3) словесное выражение (центральная часть) – учение об отборе слов (в т. ч. редких, новообразованных и метафорических), о сочетании слов... о тропах, фигурах мысли и фигурах слова... а в зависимости от использования этих средств – о простом, среднем и высоком стиле речи; 4) запоминание; 5) произнесение» [6, стб. 877–878]. Обратимся последовательно к *заголовку и вступлению, изложению-толкованию, разработке-утверждению* и, наконец, к *заключению* статьи Мотониса.

Поскольку риторическое произведение Мотониса – журнальная статья, постольку она ориентирована на восприятие читателя, а не слушателя. Поэтому четвертая разновидность ломоносовского вступления трансформируется в заголовок, объявляющий тему: «Рассуждение о двух главных добродетелях, которых писателю истории иметь необходимо должно, то есть об искренности и несуетном богопочитании» [7, с. 34]. Почему автор называет субъекта своего рассуждения *писателем истории*?

Выбор слова из синонимического ряда всегда мотивирован, так как каждая лексема, отличаясь от соседней, «приоткрывает» уникальную территорию смысла. В русском языке середины XVIII в. синонимичный ряд для обозначения специалиста по прошлому и настоящему был представлен достаточно полно, разнообразно, однословно: *историограф, историк, бытописатель, деенписатель*. Однако Мотонису важно, чтобы заголовок и вступление статьи очерчивали границы идеального читателя и идеального писателя. Уже в заглавии автор выстраивает двустороннюю модель коммуникации: *писатель истории – читатель истории*. Коммуникативная модель Мотониса предполагает активного читателя, а само чтение видится ему сложной деятельностью. По убеждению автора, читатель может требовать от писателя двух добродетелей, названных в заголовке, искренности и несуетного богопочитания [7, с. 36]. Изучая историю по письменным источникам, читатель «крайнее свое попечение положит в том, чтоб одолеть все затруднения, не дать себя обольстить, и погрузить в бездну безконечных заблуждений» [7, с. 35–36].

С высокой степенью достоверности можно предположить, что это пожелание читателю восходит к изречениям Антония Великого, преподобного, раннехристианского подвижника, жившего в Египте (около 251 – 17 января 356 гг. н. э.) и считавшегося основателем отшельнического монашества. В конце V столетия появилось приписываемое Антонию собрание изречений, которые отражали монашеский идеал. Там есть слова: «Всякий может управлять кораблем в хорошую погоду, истинно же искусный мореплаватель познается во время бури» [8]. Цитата восходит к Книге Премудрости Соломона: «...промысл Твой, Отец, управляет кораблем, ибо Ты дал и путь в море и безопасную стезю в волнах (Прем. 14: 3). То же самое сравнение читателя с искусным мореплавателем повторяет и Мотонис. В его статье оно представляет собой развернутую метафору и последовательно разворачивается на протяжении большого фрагмента текста: «И читая его историю (недобродетельного историка. – Ю.С., А.Р.) не иначе как *искусной мореплаватель*, которой весь труд на то употребляет, чтоб уничтожить ярящихся волн стремление и силу, не допустить их свой корабль сокрушить о камень, и ввергнуть себя в морскую пучину...» [7, с. 35]. Статья Мотониса размещена в первом, январском номере ТП. Именно в январе отмечается День памяти Антония Великого – 30 января (17 января по старому стилю). Можно предположить, что вступление статьи рифмуется с началом года и первоначалием нового журнала.

Во вступлении статьи автор конструирует положительный и отрицательный образ читателя и писателя. Своего читателя Мотонис называет благоразумным и добродетельным. Сложные слова с корнями *благ(о)* и *добр(о)*, актуальные в церковно-славянском языке, восходящие к греческим словообразовательным моделям, наделяют читателя особым сакральным статусом, очерчивают контур основных читательских характеристик. Мотонис полагает, что разум читателя направлен на стяжание блага и добра, и это активная, деятельностная позиция. Как прежде Антоний Великий обращался к ученикам, предостерегая их от лени, так и Мотонис надеялся видеть читателей нового журнала тружениками.

К положительному образу писателя истории автор статьи весьма непритязателен и прощает ему многие пороки. Он не видит беды, если историк грешит слогом и не умеет изъясняться красиво, он готов не заметить погрешности, вызванные неосторожностью и небрежностью; наконец, он допускает даже незнание историком других наук, что, конечно же, может нанести ущерб славе писателя, но не станет прегрешением перед истиной.

С точки зрения риторики созданное Мотонисом вступление можно отнести к парадоксальному типу. По Ломоносову, это восьмой вариант вступления, который русский теоретик риторики иллюстрирует примером из речи Цицерона против Катилины. Риторический вопрос озадачивает аудиторию, сбивает со стереотипного мышления, готовит к восприятию нестандартной, необщепринятой, необычной авторской позиции. От лица читателей Мотонис, предупреждая читательское недоумение, вопрошает: «Для чего я не о всех, да о двух добродетелях писателя истории чрез сие им сообщил?» [7, с. 34]. Зарождается имплицитный диалог двух равных собеседников. Предприняв рассуждения о добродетелях, Мотонис отказывается от морализаторской позиции и не собирается поучать и давать наставления ни самим историкам, ни их читателям. С психологической точки зрения такая позиция автора помогает внушить доверие своим читателям и тем самым достигнуть цели – уговорить их, добиться благосклонности, расположения и плавно перейти к *изложению-истолкованию*.

Изложение-истолкование у Мотониса представляет собой договор о понятиях. Автор объясняет, что он понимает под *искренностью*, *суеверием* и *несуеверным богопочитанием* и почему добродетели, вынесенные в заголовок, могут считаться главными. Мотонис еще раз указывает на общность языковых картин мира автора и

читателя. Эта общность подчеркивается местоимениями *наших, мы*. Автор апеллирует к личному опыту каждого читателя, причем в самых его элементарных, бытовых проявлениях: «...мы часто верного своего друга называем искренним приятелем, при поздравлениях, и желании благополучия, уверяем когонибудь, что мы делаем то от искренняго сердца, то есть от сердца во всем с языком нашим согласного» [7, с. 36]. Для Мотониса искренность есть единство слова, чувства и дела.

В античной риторике такого рода доводы получили название *argumentum ad hominem* — ‘аргументы к человеку’, основанные на апелляции к эмоционально-чувственной и морально-этической сферам. Взывая к общему опыту, создавая пересечение дискурсов автора и читателя, Мотонис прибегает к манипуляции побуждению другого человека к переживанию определенных состояний, изменению отношения к чему-либо, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения автором своих собственных целей. А цель заключается в создании единой направленности мыслей, желаний и общественно полезной деятельности автора и читателя.

Написав, что сочинитель истории должен приносить читателю пользу на «примерах невымышленных», сам Мотонис переходит к следующей части диспозиции — аргументации примерами, или *разработке-утверждению*. Налицо единство слова и дела: заявив теоретические посылки, автор реализует их в своем собственном тексте, разворачивает смыслопорождение по предложенному алгоритму.

Один из типичных риторических приемов Мотониса в разработке-утверждении — обращение к авторитету. Выражение *argumentum ad verecundiam* буквально обозначает ‘аргумент к скромности’. Хотя в современной науке апелляция к авторитетному мнению считается ошибочной логической аргументацией, этот вид доказательства привнес в русскую риторическую науку и публицистическую практику. На наш взгляд, причиной тому — культурная традиция отношения к высшему авторитету на Руси. В России на протяжении веков наименование монарха царем отсылало прежде всего к религиозной традиции, а традиционное помазание царя придавало ему специфический сакральный статус, особую харизму. Этимологически лексема *царь* восходит, через готское посредничество, к раннелатинскому когномену (прозвищу) патрицианского рода Юлиев, к которому принадлежал Юлий Цезарь. Думается, что в светской культуре произошла контаминация обеих традиций (римско-византийской и русской), а затем — экстраполяция отношения к верховному авторитету на статус автора вообще.

Список авторитетов, на которых ссылается Мотонис, весьма обширен и охватывает период от 6 в. до н. э. (Пифагор) до 2 в. н. э. (Лукиан Самосатский). Нам не удалось установить строгой логики в порядке предъявления персоналий, поскольку не соблюдается ни хронологический, ни локальный, ни идеологический, ни др. принцип, однако сами эти верхняя и нижняя границы наводят на некоторые размышления.

Самым древним в ряду оказывается древнегреческий философ, математик, мистик, создатель религиозно-философской школы пифагорейцев Пифагор (570–490 гг. до н. э.). Его ученики образовали религиозный орден, или братство посвященных, состоящий из касты отобранных единомышленников. Пифагор возглавлял тайное общество тридцать девять лет: в течение всего этого времени это была замкнутая организация посвященных. Новичок, чтобы быть принятым в братство, должен был пройти ряд испытаний, которые были обрядово оформлены и не подлежали огласке.

Поздней временной границей у Мотониса является ссылка на Лукиана Самосатского. Не указывая первоисточник, Мотонис пересказывает анекдот про комика Филимона и осла, уподобляя историка, пытающегося замаскировать недостатки своей книги лживыми присовокуплениями, героям смешной и нравоучительной истории.

В *заключении* статьи Мотониса появляются две линии сравнения писателя истории. Одна отрицательная — историк не должен быть подобен живописцу, который, «изображая непригожаго лицом, придает ему больше краски или белости» [7, с. 47].

Вторая положительная – историк должен быть подобен «судье, и наблюдать правду» [7, с. 47].

Структурная часть *утверждение* начиналась у Мотониса именем Цицерона. В заключении также находим имплицитную отсылку к афористике античного автора. Практически дословно воспроизводится его сентенция о лжи: «Кто лжет добровольно, тому никто, хотя и правду станет представлять, ни в чем не верит...» [7, с. 47]. Историк не должен снабжать свои сочинения украшениями и увеселениями из других наук или искусств. Историк не равен баснописцу или поэту, имеющему совершенно иное целеполагание при описании героя. История – это не математика или философия, основанная на несомненных правилах и доказательствах; история строится на вероятных доказательствах, поэтому во многом зависит от искренности сочинителя. Мотонис курсивом выделяет правило: «*Должны мы везде искать правды, и стараться всеми силами открыть истинные причины приключений*» [7, с. 44], объединяя общим нравственным императивом читателя и писателя истории.

Таким образом, содержание январской статьи ТП подчинено риторическим правилам, которые «активно включены в самый текст не только на метауровне, но и на уровне непосредственной текстовой структуры» [9, с. 179]. Внимание Ломоносова к чертам ратора и риторическое мастерство Мотониса, утвердившего добродетели писателя и читателя истории, позволили «в дальнейшем разработать стилистическую концепцию “образа автора” “и образа читателя”» [10, с. 156].

Библиографический список

1. Хуэйцзюнь Ю.А. П. Сумароков – автор «Трудолюбивой пчелы»: устоявшаяся точка зрения и бесстрастная статистика // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 1. С. 101–113.
2. Лепехин М.П., Осинкина Л.В. Мотонис Николай Николаевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П) [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=1060> (дата обращения: 05.09.2015).
3. Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. 572 с.
4. Стенник Ю. В. Сумароков – историк // XVIII век / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб., 1996. Сб. 20. С. 23–46.
5. Риторика М.В. Ломоносова: материалы к библиографии. СПб., 2012. 104 с.
6. Гаспаров М.Л. Риторика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М., 2003. Стб. 877–878.
7. Трудолюбивая пчела. В Санкт-Петербурге [Тип. Акад. наук], 1759. 767 с.
8. Об искушении // Мысли Пастыря [Электронный ресурс]. URL: <http://myslipastyria.com/o-iskusheniyaх> (дата обращения: 30.09.2015).
9. Лотман Ю.М. Риторика механизм смыслопорождения // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 177–194.
10. Иванова М.В. От ломоносовского ратора к «образу автора» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2005. № 7. С. 156–161.

References

1. Hueytszyun Yu. A.P. Sumarokov – avtor «Trudoliubivoi pchely»: ustoiavshaiasia tochka zreniia i besstrastnaia statistika [A.P. Sumarokov – the author of “Hard-working bee”: an established point of view and dispassionate statistics]. *Iazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Verbal folklore. Culture], 2012, no 1, pp. 101–113 [in Russian].
2. Lepelin M.P., Osinkina L.V. Motonis Nikolai Nikolaevich [Motonis Nikolay Nikolaevich]. In: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. Vyp. 2 (K–P)* [Dictionary of Russian writers of the XVIII century. Issue 2 (K–P)]. Retrieved from: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=1060> (accessed 05.09.2015) [in Russian].
3. Berkov P.N. *Istoriia russkoi zhurnalistiki XVIII veka* [History of Russian journalism of the XVIII century]. M.; L., 1952, 572 p. [in Russian].

4. Stennik Yu.V. *Sumarokov – istorik* [Sumarokov historian]. In: *XVIII vek / Otv. red. N.D. Kochetkova* [XVIII century. N.D. Kochetkova (Ed.)], 1996, Vol. 20, pp. 23-46 [in Russian].
5. *Ritorika M.V. Lomonosova: materialy k bibliografii* [Rhetoric of Lomonosov: materials for the bibliography]. SPb., 2012, 104 p. [in Russian].
6. Gasparov M.L. *Ritorika* [Rhetoric]. In: *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii. Pod red. A.N. Nikoliukina* [Literary encyclopedia of terms and notions. A.N. Nikolyukin (Ed.)]. M., 2003, pp. 877–878 [in Russian].
7. *Trudoliubivaia pchela* [Hardworking Bee]. St. Petersburg [Tip. Akad. nauk], 1759, 767 p. Further the pages are indicated in the text in parenthesis.
8. *Ob iskushenii* [On temptation]. In: *Mysli Pastyria* [Thoughts of a Pastor]. Retrieved from: <http://myslipastyria.com/o-iskusheniyax/> (accessed 30.09.2015) [in Russian].
9. Lotman Yu.M. *Ritorika – mekhanizm smysloporozhdeniia* [Rhetoric – mechanism of sense generation]. In: Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. SPb., 2000, pp. 177–194 [in Russian].
10. Ivanova M.V. *Ot lomonosovskogo ritora k «obrazu avtora»* [From Lomonosov rhetor to the «image of the author»]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics: Vestnik RUDN], 2005, no. 7, pp. 156–161 [in Russian].

*Yu.V. Slozhenikina, A.V. Rastyagaev**

**RHETORICAL TRADITION IN RUSSIAN JOURNALISM OF THE XVIII CENTURY
(ON THE BASIS OF N.MOTONIS'S ARTICLE IN THE JANUARY ISSUE
OF «HARD-WORKING BEE» [1759])**

«Hard-working bee» was a unique for the XVIII century edition. The author of the «Reasoning...» about the virtues of author of stories was Nikolay Nikolaevich Motonis, companion-in-arms of A.P. Sumarokov, luminous rhetor, member of the Academy of sciences. The author develops rhetoric provisions of M.V. Lomonosov in poetological aspect: he studies how to write, and at the same time he gives an example of rhetoric composition. The communicative model by Motonis suggests an active reader, and the reading itself is viewed as as a complex activity by him. Creating intersection of discourses of the author and the reader, Motonis actively uses technics developed by an ancient rhetoric and «rehabilitated» by the practice of writers-enlighteners of the XVIII century.

Key words: «Hard-working bee», Sumarokov, Lomonosov, rhetoric, composition, argumentation, image of the author, image of the reader.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

* *Slozhenikina Yulia Vladimirovna* (goldword@mail.ru), Department of Psychology and Pedagogy, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya street, Samara, 443100, Russian Federation.

Rastyagaev Andrey Viktorovich (avr67@yandex.ru), Department of Philology and Mass Communications, Samara branch of Moscow City Pedagogical University, 76, Stara-Zagora street, Samara, 443081, Russian Federation.